

Медведев Юрий Сергеевич**Medvedev Yury Sergeevich**

кандидат исторических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов

PhD in History, Associate Professor,
Department of Foreign Languages,
Faculty of Humanities and Social Sciences,
RUDN University

РОССИЙСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ XVIII СТОЛЕТИЯ В ТРУДАХ ДЭВИДА БЕЙНА ХОРНА (ЧАСТЬ 1)

RUSSIAN-BRITISH RELATIONS OF XVIII CENTURY IN WORKS OF DAVID BAIN HORN (PART 1)

Аннотация:

Дэвид Бейн Хорн и его труды по истории дипломатических отношений в Европе XVIII столетия стали объектом исследования, проведенного в данной работе. Статья представляет собой краткое изложение основных фактов биографии и историографический обзор трудов этого известного британского историка. Библиография Д.Б. Хорна дана в хронологическом порядке. Автор статьи анализирует, как представлены в его исследованиях российско-британские отношения, и приходит к выводу, что они рассматриваются во взаимосвязи с дипломатическими отношениями европейских держав. В статье описываются факты и события, редко представленные или вообще не представленные в российской историографии. Используемый в работе сравнительный анализ позволяет оценить взгляды Д.Б. Хорна на российско-британские отношения в XVIII столетии.

Ключевые слова:

Европа, международные отношения, российско-британские отношения, дипломатия, дипломатические отношения, история, историография, архивы.

Summary:

David Bain Horn and his works on the history of diplomatic relations in eighteenth-century Europe became the object of research presented in this paper. The paper is a summary of the main facts of the biography and a historiographical review of the works of this famous British historian. The bibliography of D.B. Horn is presented in chronological order. The author of the paper examines how the Russian-British relations are represented in his research and concludes that they are considered in their relationship with the diplomatic relations of European powers. The paper describes facts and events rarely or not presented in Russian historiography. The comparative analysis used in the paper allows us to assess the views of D.B. Horn on the relations between Britain and Russia in the XVIII century.

Keywords:

Europe, international relations, Russian-British relations, diplomacy, diplomatic relations, history, historiography, archives.

В 2019 г. исполнилось 50 лет со дня смерти британского историка Дэвида Бейна Хорна (1901–1969). Он является автором более ста работ, от монографий и статей до аннотаций и учебников. Большинство из них посвящены истории международных отношений и дипломатии XVII–XVIII вв. [1] и хорошо известны историкам, занимающимся этим периодом и этой темой. Однако ни в советской, ни в российской историографии нет работ, дающих представление о жизни и трудах этого выдающегося ученого. Именно этим обстоятельством обусловлена значимость нашего исследования, в котором, в частности, будут представлены переводы отдельных фрагментов его работ (попутно отметим, что иностранные имена и фамилии будут приводиться нами не только на русском, но и английском языке, поскольку в отечественной историографии встречаются разные варианты написания).

Дэвид Бейн Хорн (David Bain Horn) проходил обучение в Эдинбургском университете (в то время он назывался Мэлвилл колледж), который окончил с отличием в 1922 г. На следующий год он по приглашению известного историка и декана факультета искусств Ричарда Лоджа (Richard Lodge) стал ассистентом департамента истории родного университета. Именно Р. Лодж предложил ему тему диссертации о сэре Чарльзе Уильямсе (Charles Williams), за которую в 1929 г. Д. Хорн получил степень доктора литературы [2, с. 2–3].

Основу диссертационного исследования составили многочисленные личные и официальные документы из британских архивов, что делает работу интересной для российских историков. Также Д. Хорн использовал российские опубликованные источники, однако российские архивные материалы по понятным причинам были недоступны для автора.

В 1930 г. диссертация была опубликована в виде монографии «Сэр Чарльз Хэнбери Уильямс и европейская дипломатия», которую Д. Хорн посвятил своему учителю и коллеге Р. Лоджу. Работа состоит из двух частей, вторая часть описывает дипломатическую деятельность Ч. Уильямса в России и охватывает период со времени его прибытия в Петербург в начале апреля 1755 г. до марта 1758 г., хотя сам дипломат покинул Россию в октябре 1757 г. Это объясняется тем, что

Д. Хорн включает в свое повествование события, произошедшие в России после отъезда Ч. Уильямса; также в работе описываются действия английского дипломата до его возвращения на родину, например, встреча со своим преемником Робертом Кейтом (Robert Keith) [3].

В хронологической последовательности и в контексте дипломатических отношений между основными европейскими державами Д. Хорн описывает планы британского руководства и их реализацию английскими дипломатами, работавшими в России. Также историк представляет реакцию российской стороны на эти действия и последствия, к которым они привели.

Согласно русско-английскому договору 1742 г., в случае нападения на Ганновер со стороны Пруссии Россия должна была отправить на помощь 12-тысячный корпус. В Лондоне понимали, что даже при соединении русской армии с войсками других немецких княжеств и самого Ганновера эта помощь будет либо недостаточной, либо слишком медленной для его реальной защиты. Поэтому британское руководство рассматривало использование русских войск против удаленных восточных границ Пруссии как единственно эффективный способ ее сдерживания: это заставило бы Пруссию воевать одновременно на востоке и западе или отказаться от нападения на Ганновер. «Таким образом, – пишет Д. Хорн, – переговоры о субсидном договоре с Россией в начале 1755 г. стали для Британии вопросом жизни и смерти» [4, с. 182].

В инструкциях, которые получил Ч. Уильямс, перед ним было поставлено несколько задач: первоочередная и наиболее важная – подписание субсидного договора; вторая (не такая срочная, но не менее важная) – возобновление русско-английского оборонительного союза 1742 г. Третьей задачей, тесно связанной со второй, было возобновление торгового договора 1734 г., срок которого истек в 1754 г. Однако английские купцы Русской компании хотели внести в него некоторые изменения, и Ч. Уильямсу предписывалось предварительно провести консультации с генеральным консулом бароном Вольфом (Wolff), к выполнению чего Уильямс приступил с присущим ему энтузиазмом [5].

Вызывает интерес описываемый Д. Хорном эпизод, связанный со строительством Елисаветинской крепости на реке Ингул летом 1755 г. По мнению историка, именно британская дипломатия оказала давление на Петербург с целью прекращения строительства. Это было связано с тем, что британское правительство было встревожено возможностью русско-турецкого конфликта, «в то время, когда Британия хотела, чтобы Россия сыграла существенную роль в общеевропейском конфликте» [6].

Несколько месяцев ушло на согласование текста конвенции, что было вызвано спорами между Лондоном и Петербургом из-за секретных сепаратных параграфов, предложенных российской стороной. Отдельным камнем преткновения стало оформление документа – очередность упоминания и подписи монархов, что вызвало недовольство британской стороны, т. к. отдавалось предпочтение титулу российских императоров. 19 (30) сентября 1755 г. Ч. Уильямс, А.П. Бестужев и М.И. Воронцов подписали конвенцию «на условиях, желаемых британским правительством, без каких либо изменений и добавлений... к стыду обеих сторон» [7]. Однако для вступления в силу договор должен был быть ратифицирован британским парламентом и затем подписан обоими монархами.

По договору Россия обязалась содержать в Лифляндии 55-тысячную армию (40 тыс. пехоты, 15 тыс. конницы) и от 40 до 50 галер для высадки десанта. Англия, в свою очередь, была обязана ежегодно выплачивать на содержание этих войск 100 тыс. фунтов стерлингов в мирное время и по 500 тыс. с момента выхода русских войск за границы Российской империи.

В главах монографии, посвященных англо-русской конвенции и дипломатической революции, Д. Хорн указывает на изменение курса британской политики, которое, по нашему мнению, и привело к разрыву прежних дипломатических союзов. «Летом и осенью 1755 г. отношение британского правительства к субсидному договору полностью изменилось..., оно хотело, чтобы договор был подписан и ратифицирован, больше чем когда бы то ни было, но совершенно другим образом, чем это задумывалось в апреле 1755 г.» [8]. «Кабинет... решил, что он не будет трансформировать борьбу с Францией в колониях в генеральную войну в Европе, но сконцентрируется на аспектах войны на море и ограничит свои действия на континенте обеспечением защиты Ганновера системой субсидных договоров» [9].

Среди историков до сих пор остаются спорными несколько вопросов, ответы на которые позволяют по-разному характеризовать внешнюю политику европейских государств того периода и давать соответствующие оценки: от благородных побуждений российской императрицы до коварных и агрессивных планов русского двора [10, с. 72–74]. Во-первых, что повлияло на появление «секретнейшей декларации» к субсидному договору? Во-вторых, были ли информированы в Петербурге о содержании британско-прусской Вестминстерской конвенции до обмена ратификациями?

Ратифицированная в Лондоне англо-русская конвенция была вручена русскому двору в Петербурге 1 (12) декабря 1755 г., однако ответный шаг российской стороны затягивался. По

мнению Д. Хорна, между подписанием договора и прибытием британских ратификаций в Петербурге произошло два события, повлиявших на дальнейшее развитие ситуации. Во-первых, проведение ряда совещаний, на которых было принято решение о том, что Россия должна использовать возможность сократить растущее влияние Пруссии. Во-вторых, прибытие в Петербург миссии Дугласа, которая придала сил профранцузской партии при русском дворе [11]. Именно стараниями и доводами этой партии британский историк объясняет затянувшуюся ратификацию договора Петербургом и появление «секретнейшей декларации» [12], которая была вручена Ч. Уильямсу А.П. Бестужевым на церемонии обмена ратификациями 1 (12) февраля 1756 г. Она гласила, что русские войска могут быть использованы в Европе только против прусского короля.

По утверждению Д. Хорна, в Петербурге о Вестминстерской конвенции стало известно только через два дня после обмена ратификациями. Другими словами, историк не соглашался с мнением других исследователей о том, что появление «секретнейшей декларации» было ответом на англо-прусскую конвенцию, подписанную в Вестминстере. Д. Хорн пишет, что Ч. Уильямс, в отличие от других британских дипломатов в Европе, не был извещен о ней до середины января 1756 г., но и после этого ему было приказано хранить данную информацию в секрете, особенно от А.П. Бестужева. И эта инициатива исходила от самого Георга II [13]. Д. Хорн категорично оценивает последствия Вестминстерской конвенции для российско-британских отношений: «хотя враги Британии не смогли сделать разрыв русско-английского союза явным и незамедлительным, сам союз был потрясен до основания» [14].

Ч. Уильямс был вынужден принять «секретнейшую декларацию», т. к. отказ ставил под вопрос англо-русскую конвенцию. По мнению Д. Хорна, Россию от разрыва отношений с Британией удержал ряд факторов: нежелание Франции проводить более активную политику на континенте против Пруссии, зависимость Австрии от французской политики, усилия А.П. Бестужева по сохранению российско-британских отношений, характер торговых отношений между Россией и Англией. При этом историк оригинально оценил события, непосредственно приведшие к Семилетней войне: «Как заключение Россией субсидного договора с Британией стало незамедлительной причиной дипломатической революции, так антипрусские резолюции Высочайшей конференции в марте-апреле 1756 г. и соответствующие приготовления (*России – Ю.М.*) мая-июня напрямую привели к Семилетней войне, поскольку они были основным фактором, который заставил Фридриха начать военные действия» [15].

Любой исследователь истории дипломатии и международных отношений должен рассматривать внутривластную ситуацию в высших эшелонах власти, которая может оказать влияние на принятие внешнеполитических решений. Поэтому в монографии Д. Хорна, с одной стороны, дается краткое описание расстановки политических сил при английском дворе; с другой – присутствует характеристика положения дел в Петербурге, борьба придворных группировок и анализ взаимоотношений Ч. Уильямса с отдельными представителями русского двора. Приведем в качестве примера описание приезда британского дипломата, прибывшего в столицу Российской империи в высшем ранге посла – ранге амбассадора: «Уильямса в Петербурге встретили с распростертыми объятиями. Он носил ранг посла, а они были редки в Петербурге, и поэтому высоко ценились. Его репутация бежала впереди него, и полуварварскому русскому двору было любопытно взглянуть на этот законченный продукт западной цивилизации, которым он восхищался и бездумно копировал» [16].

Отдельной нитью в монографии представлены отношения Ч. Уильямса с великой княгиней Екатериной Алексеевной. Их переписка, финансовые отношения, участие Ч. Уильямса в знакомстве Екатерины и С. Понятовского изучались в исторической литературе до и после Д. Хорна. Тем не менее, по его мнению, вклад Ч. Уильямса «в политическое образование великой княгини не мог не оказать влияния на внешнюю политику будущей императрицы» [17]. Однако идея Д. Хорна, высказанная им в более поздней работе, о том, что Екатерина II была англофилом, не находит подтверждения в работах современных российских исследователей [18, с. 16–17].

Оценивая деятельность Ч. Уильямса, Д. Хорн приходит к заключению, что его «можно назвать невольным создателем Британской империи. Его единственным большим достижением было подписание англо-русского субсидного договора. Ни один пункт которого никогда не был осуществлен, но он имел незамедлительные последствия для истории Европы и мира, поскольку заставил Фридриха II заключить Вестминстерскую конвенцию и таким образом создал условия для дипломатической революции и Семилетней войны... Заключение Уильямсом этого договора было первым и определенно не последним по значению шагом к распространению войны на море, на (*европейский – Ю.М.*) континент, и дало Британии в союзники Пруссию. Вопреки возможным событиям 1756 г. после семи лет войны Британия одержала решительную победу над своими соперниками на море и в колониях» [19].

В 1932 г. выходит работа Д. Хорна «Британские дипломатические представители. 1689–1789». Хронологические рамки работы определены событиями, значительно повлиявшими на

британскую внешнюю политику и дипломатию: нижняя граница – Славная революция в Англии, верхняя – начало Буржуазной революции во Франции. При содействии ряда других исследователей Д. Хорн составил список британских дипломатических представителей при дворах 17 европейских государств, включая Россию, и США в указанный период. Однако, как отмечается в публикации, «консулы, дипломатические курьеры и тайные агенты не вошли в подборку, за исключением случая с генеральными консулами в России, большинство которых получали дипломатическую аккредитацию». Также не упомянуты в работе «британские представители на мирных конференциях и послы в “варварские” государства» [20, с. 9].

Для каждой страны в хронологическом порядке были представлены имя и фамилия дипломата, его титул, в том числе, если титул получен позднее, даты вручения верительных и отзывных грамот, инструкции дипломату, а также время прибытия в страну пребывания и отбытия из нее. В большинстве случаев упоминаются секретари посольства, сопровождавшие того или иного посла, в частности, если они оставались поверенными в делах до прибытия следующего дипломата. Важной особенностью является то, что указаны источники, содержащие дипломатические донесения конкретного «министра».

Д. Хорн в основном привлекает данные Британского государственного архива, архива Министерства иностранных дел Великобритании и отдела рукописей Британского музея. В списке источников о дипломатах, аккредитованных в России, также указываются тома сборника Русского исторического общества, где в конце XIX – начале XX вв. были опубликованы донесения британских дипломатических представителей.

Согласно изданию, за указанное в работе столетие, за исключением 11 лет разрыва дипломатических отношений в 1719–1730 гг., в Россию было аккредитовано 34 генеральных консула и дипломата различного ранга, не считая секретарей посольства. Все иностранные «министры» прибывали с дипломатической миссией в Россию лишь однажды. Наряду со стандартными дипмиссиями в работе указаны и необычные случаи. Так, адмиралу Джону Норрису (John Norris) удалось избежать поездки в Россию, т. к. он отбыл из Копенгагена до прибытия бумаг о его назначении [21]. Консулы представляли интересы Британской империи значительно дольше, чем дипломаты, и некоторые из них умирали в стране пребывания. Так, генеральный консул, а затем министр-резидент Клавдий Рондо (Claudius Rondeau) скончался в России в 1739 г. [22]. Аналогичная судьба ждала консула Сэмюэля Своллоу (Samuel Swallow), который умер в Петербурге в 1776 г. [23]. Примечательно, что в издании описан эпизод с капитаном Джоном Дином (John Deane), который был назначен генеральным консулом в 1725 г., но получил, помимо этого, секретное разведывательное задание, высадился в Кроншлоте, был разоблачен и выслан из страны [24].

Работа Д. Хорна получила признание в кругах британских историков. И уже через два года под редакцией других авторов вышло аналогичное издание о британских дипломатических представителях с 1789 по 1852 гг. [25].

В 1944 г. под эгидой Исторической ассоциации отдельной брошюрой выходит статья Д. Хорна «Шотландские дипломаты. 1689–1789» [26]. В публикации затрагивается широкий круг тем. Разделив исследуемый период по времени правления каждого монарха, историк рассматривает конкретные назначения шотландцев на дипломатические посты. Он пишет: «устойчивый ручеек назначений шотландцев в 40-е (годы XVIII столетия – Ю.М.)... стал с началом Семилетней войны широкой рекой. После смерти Георга II в 1760 г. шотландцы осуществляли сношения Британии с дворами России, Пруссии, Португалии, Сардинии и Саксонии-Польши. Из-за Семилетней войны единственными великими державами, где у Британии имелись свои дипломатические представители, были Россия и Пруссия» [27].

В работе Д. Хорн упоминает Джозефа Эварта (Joseph Ewart), являвшегося послом в Пруссии в конце XVIII в. Представляя собственную оценку его деятельности, Д. Хорн дает заслуживающую внимания характеристику внешней политики Великобритании по отношению к России: «Эварт разделил с Бютом сомнительную славу быть одним из двух шотландцев, которые в XVIII столетии оказывали, каждый на короткое время, решающее влияние на британскую внешнюю политику. Он не только был истинным архитектором Тройственного союза 1788 г., но его деятельность в пользу Турции и Польши, а следовательно, антирусская политика, отмечает переход от того, что было традиционной внешней политикой Британии в XVIII в., к тому, что стало традиционной внешней политикой Британии в XIX столетии. Палмерстон и Дизраэли словно были его подсознательными последователями в отношении восточного вопроса. К сожалению, Эварт опередил свое время: он убедил (в своей точке зрения – Ю.М.) Кармартена, министра иностранных дел, и даже Питта-младшего, но попытка Питта осуществить политику Эварта привела в итоге к Очаковскому кризису». В результате активных протестов, которые развернула оппозиция вигов в обеих палатах парламента, «Питт подумал, что будет разумнее оставить эту политику и Эварта, который был вынужден уйти со своего поста в Берлине» [28].

Далее Д. Хорн сообщает об Дж. Эварте интересную информацию: «он прожил еще всего лишь несколько месяцев и свидетельством значительной роли, которую он сыграл в европейской дипломатии, служит тот факт, что его смерть приписывают отравлению, осуществленному русским агентом» [29]. Однако современные источники сообщают, что факт того, «что его смерть была вызвана интригами императрицы Екатерины, полностью опровергается семейным архивом» [30]. Как видим, обвинения в отравлении британских подданных российскими агентами практиковались еще в XVIII столетии.

Таким образом, несмотря на то, что Д. Хорн не посвятил отдельную работу российско-британским отношениям XVIII столетия, в своих трудах о внешней политике и дипломатии Великобритании он не мог не касаться отношений между Петербургом и Лондоном. Наиболее полно российско-британские отношения середины XVIII в. представлены в его монографии «Сэр Чарльз Хэнбери Уильямс и европейская дипломатия». Детальное описание автором событий на базе многочисленных материалов британских архивов, скрупулезный комплексный анализ внешней политики обеих стран в контексте международных отношений эпохи позволяют говорить об актуальности его трудов и в настоящее время. При этом необходимо отметить характерное для зарубежных работ той эпохи отсутствие историографического анализа.

Хотя в работах Д. Хорна не указаны методы исследования, явно прослеживаются ретроспективный подход и принцип историзма. Однако при анализе событий, предшествовавших Семилетней войне и дипломатической революции, историк старается избежать жестких оценок действий британского внешнеполитического ведомства. Он частично возлагает вину на недалековидную политику Голдернесса, оправдывая ее необходимостью противостояния Франции. Наряду с этим он подводит читателя к мысли, что часть вины за развязывание Семилетней войны лежит на России, т. к. она не согласилась участвовать в британско-прусском союзе, а военные приготовления спровоцировали Фридриха напасть на Саксонию. Таким образом, британский историк отказывает России во внешнеполитической самостоятельности.

Важной заслугой Д. Хорна является и то, что он, будучи выпускником Эдинбургского университета, одним из первых поднял вопрос о шотландском компоненте в британской дипломатии и дипломатической службе XVIII столетия. Изучение роли шотландцев в российско-британских отношениях, как дипломатических, экономических и культурных, так и их участие в этих сферах в самой России представляют определенный научный интерес.

Ссылки:

1. Horn D.B.: 1) *British Public Opinion and the First Partition of Poland*. Edinburgh, 1945. 98 p.; 2) *British Diplomatic Service. 1689–1789*. Oxford, 1961. 324 p.; 3) *Frederick the Great and the Rise of Prussia*. L., 1964. 180 p.; 4) *Great Britain and Europe in the 18th Century*. Oxford, 1967. 411 p.
2. *Studies in Diplomatic History: Essays in Memory of David Bayne Horn* / ed. by R. Hatton, M.S. Anderson. L., 1970. 384 p.
3. Медведев Ю.С. Британский дипломат Роберт Кейт и его миссия в России // Вестник РУДН. Серия: История. 2009. № 5. С. 176–180.
4. Horn D.B. *Sir Charles Hanbury Williams and European Diplomacy*. L., 1930. 314 p.
5. *Ibid.* P. 182–190.
6. *Ibid.* P. 190–192.
7. *Ibid.* P. 192.
8. *Ibid.* P. 199.
9. *Ibid.* P. 200–201.
10. Яковлев Н.Н. Европа накануне Семилетней войны. М., 1997. 149 с.
11. Horn D.B. *Sir Charles Hanbury Williams and European Diplomacy*. P. 220–221.
12. *Ibid.* P. 220–223.
13. *Ibid.* P. 228.
14. *Ibid.* P. 230.
15. *Ibid.* P. 254.
16. *Ibid.* P. 184.
17. *Ibid.* P. 292.
18. Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. 458 с.
19. Horn D.B. *Sir Charles Hanbury Williams and European Diplomacy*. P. 293.
20. Horn D.B. *British Diplomatic Representatives. 1689–1789*. L., 1932. 178 p.
21. *Ibid.* P. 112.
22. *Ibid.* P. 113.
23. *Ibid.* P. 116.
24. *Ibid.* P. 112.
25. *British Diplomatic Representatives. 1789–1852* / ed. by S.T. Bindoff, E.F. Malcolm Smith, C.K. Webster. L., 1934. 216 p.
26. Horn D.B. *Scottish Diplomats. 1689–1789*. L., 1944. 18 p.
27. *Ibid.* P. 8.
28. *Ibid.* P. 17.
29. *Ibid.* P. 17–18.
30. Ewart, Joseph (DNB00) // Wikisource. URL: [https://en.wikisource.org/wiki/Ewart,_Joseph_\(DNB00\)](https://en.wikisource.org/wiki/Ewart,_Joseph_(DNB00)) (дата обращения: 07.07.2020).